

**ИЗ АРХИВА БОРИСА САДОВСКОГО:
СТАТЬЯ «ФИЛОСОФИЯ БРАКА»**

© **Измурдов Юрий Александрович** (2023), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-код: 2178-5120, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), izumrud.nnov@mail.ru

Дается, с комментариями, первая публикация статьи Садовского «Философия брака» (1923). Излагается ее творческая история. Отмечается, что статья написана в очень тяжелый для автора послереволюционный период жизни, когда перед ним, больным и немощным человеком, одиноким, с особой остротой встала проблема создания Семьи и обретения Дома. Одним из стимулов к написанию статьи стали взаимоотношения Садовского с В.П. Уваровой, его давней, еще с начала 1900-х гг., знакомой, чьи неизвестные исследователям письма к нему были нами учтены. Идеи, высказанные в «Философии брака», – об особенностях характера и психологии женщин, об их интеллектуальной ограниченности в сравнении с мужчинами – не были оригинальными. На эту тему немало публиковалось работ в эпоху Серебряного века. Однако, подчеркнем: Садовской в концепции статьи никоим образом не был зависим от них. Многие в его мировоззрении шло от воспитания, атмосферы родительского дома, круга общения (особенно в отроческие годы), общей консервативной заправки характера. В жанрово-тематическом отношении «Философия брака» стоит особняком в обширном массиве статей Садовского (где по преимуществу – проблемная критика, обозрения, рецензии, литературные портреты, заметки). Сопоставимо с ней только эссе «Святая реакция» (1921). В целях конкретизации смысла статьи Садовского привлечен малоизвестный очерк В.П. Далматова «Юлия Пастрана», герой которого, вымышленный приемный сын Пастраны, дает оценки творческим способностям женщины, близкие тому, что формулировал сам Далматов, и перекликающиеся с положениями «Философии брака».

Ключевые слова: Б.А. Садовской, «Философия брака», А.С. Пушкин, Татьяна Ларина, В.П. Далматов.

Рукопись статьи «Философия брака» находится в фонде Б.А. Садовского в РГАЛИ. Это текст, переписанный рукой неизвестного лица (женщины?), старой орфографией, с некоторыми по-

правками автора; на последней странице – автограф: «Декабрь. 1923. Н.<ижний Новгород>» Автограф исполнен карандашом, шатким, неразборчивым почерком. Именно так мог писать в это время Садовской, с трудом удерживая в руке лишь карандаш. На обороте некоторых листов есть ряд записей; как можно понять, это комментарии и замечания переписчика, но они перечеркнуты и очень неразборчивы, не поддаются прочтению.

В РГАЛИ рукопись статьи отнесена почему-то к единице хранения, где, помимо нее, только художественные произведения Садовского – «Конец Фауста», «Кукушечье гнездо», «Лео-ли», «Наполеониды», «Дама червей», «Записки актера», «Невольник чести», «Амалия», не опубликованные при жизни автора. Видимо, это обосновано послереволюционным временем создания текстов (1922–1927 гг.). Хотя все объединено архивным жанровым обозначением: «Повести и рассказы». Не исключено, что исследователи, читая опись единицы хранения, могли принять «Философию брака» за вариант рассказа «Доктор философии», включенного в книгу Садовского «Морозные узоры», вышедшую в 1922 году в Петрограде.

* * *

Чтобы правильнее понять статью, следует углубиться в вопросы ее творческой истории, узнать, что ей предшествовало, какие факторы вызвали ее появление. Статья венчала очень тяжелый период в судьбе ее автора – предреволюционные и послереволюционные годы. Тяжелая болезнь, как следствие его образа жизни в молодости, далекого от морали, окончательно приковала его к инвалидному креслу, парализовала ноги и частично руки. Крушение его физической сущности мистически совпало с крушением монархии, ревностным сторонником которой он был всегда, с чем связывал собственную судьбу как писателя и человека. Все это едва не привело к самоубийству. Не мог обрести он опоры и в семейной жизни: с женой не сложились отношения, брак был заключен поспешно, по сути вынужденно, никакой духовной связи не было. И тоже все закончилось крушением: жена навсегда лишила его возможности общения с обожаемым сыном, в котором он видел оправдание своего земного бытия. Сын вместе с матерью пропал без вести где-то в охваченном гражданской войной Крыму. Предпринятые Садовским поиски их ни к чему не привели...

В этих условиях перед Садовским с особой остротой встала проблема Дома. Он понимал: заковать гибельную судьбу в потерявшей все вековые опоры стране, обрести нормальное житье-бытье, сохранить себя как творческую личность можно, лишь имея рядом верную и преданную жену, хранительницу семейного очага. И он, несмотря ни на что, решил жениться. Во что бы то ни стало! Ему ведь еще только сорок лет, и главного он еще не свершил...

И Садовской вспомнил одну из барышень, за которыми когда-то с беспечностью юности ухаживал и даже считал порой нужным влюбляться, – Веру Петровну Уварову, написал ей (она жила в Петрограде) и предложил выйти за него замуж, благо она сама давно уже испытывала к нему расположение. И попросил Г.П. Блока (двоюродного брата великого поэта), с которым крепко сдружился на почве увлечения творчеством Афанасия Фета, быть посредником в отношениях с нею. Тот познакомился с Верой Петровной, вник в ее характер, образ жизни, и планы Садовского относительно ее вызвали у него решительное неприятие, о чем прямо и без обиняков написал ему: «Не женитесь на той, кто сама себя предлагает. Никогда и нигде такого порядка заведено не было. Женитесь и сами потом будете *ее* за это укорять. Не годится Вам ни загадочная натура, ни Чеховская Саша, ни поповна, ни Марья Петровна. Надо было быть железным Фетом, с немецкой кровью, с Николаевским закалом, с нечеловеческой силищей, чтобы *выдержать* М<арию> П<етров>ну и не показать, что страдаешь, и все-таки страдать. Не переоценивайте своих сил, не берите креста неудобноносимого. Ждите Господнего слова – будет оно сказано и явится Вам та, которую ни под какой “тип” Вы не подведете, а просто почувствуете, что на ней жениться *надо*, а не жениться на ней *нельзя*» (19 февраля 1922); «Правду сказать, боюсь я, что все это у Вас “от головы”, от теории. Голова всегда такое придумает, чего потом не исполнить. По-моему, жениться надо только тогда, когда ясно, что только и можно, что жениться и вот именно на *ней*, когда увидишь ее, или подумаешь и весь через край идешь. Ведь это таинство, и священник страшные слова говорит, когда его совершает. Как же слушать эти слова, когда в церковь войдешь с одними благоразумными рассуждениями?» (1 VII / 18 VI 1922); «Как-то не лежит у меня, по правде говоря, сердце к этой Вашей затее. Мне думается, что это будет Вам – не легкое. У прошлого большая и темная власть, и будете Вы в этой темной воде полоскаться. Зачем же, в сущности, в нее залезать? Понимаете ли –

простите за грубую откровенность – когда люди женятся без настоящей любви, каждый думает не о другом (как при любви), а как бы себе получше, а при этих условиях ничего доброго *не может выйти*. Это элементарно просто – закон природы. Да и Вера Петровна, Господь ее ведаёт. Одна ее сестра Вам таких душевных убытков наделает, что не оберетесь. Глупо в таком деле советовать, а я вот советую и думаю: мой совет изменит Ваше намерение, только если это намерение не сильное, а если оно не сильное, то и осуществлять его не надо» (7/14 августа 1922) [Влюбленные в Фета 2008, 96, 104, 106].

Садовской резко не соглашался с этими доводами, гневался, возвышал голос, пытался отстаивать свою позицию, но, как оказалось, Георгий Петрович был прав. Садовской прервал всякие связи с «невестой», и имя ее более не встречалось в хронике его жизни.

«Затея» Садовского действительно шла от «теории». И пусть в итоге все вышло по формуле «суха теория, а древо жизни вечно зеленеет», «теория» пустила крепкие корни в его сознании и продолжала влиять на его отношения с женским полом, и не всегда жизнь одерживала верх.

В определенной мере специальным выражением этой «теории» и стала публикуемая нами статья. Письма Г.П. Блока к Садовскому свидетельствуют, что тот в ответных (не дошедших до нас) письмах приводил и иллюстрировал некоторые из ее положений.

Нам уже приходилось отмечать в печати: «В статье проявился излюбленный прием Садовского при его обращении к самым разным аспектам истории, культуры, быта, – эстетизация. Для аргументации своих выводов автор в той или иной степени апеллирует к Шекспиру, Гомеру, Гоголю, Данте, Крылову, Достоевскому, Льву и Алексею Константиновичу Толстым, Чехову... Но более всего примеров из Пушкина. Через него подается и завершающий, обобщающий тезис» [Изумрудов 2022, 45].

Статья начинается с полемического провокативного заострения: «Всякая философия имеет основой логическое суждение. Философ обязан быть мудрецом. Между тем брак в громадном большинстве случаев является следствием любви, отрицающей, как известно, логику и здравый смысл. Влюбленный человек есть сумасшедший, душевнобольной и место его в лечебнице». И далее следует вопрос: «...допустим ли в этом случае философский метод и не кроется ли в самом понятии “философия брака” безнадежного противоречия?»

И ответ на него: «Во-первых, брак по любви никогда не может считаться идеалом брака и видеть в нём единственный смысл законных союзов есть ни на чем не основанное заблуждение. Во-вторых, философом имеет право быть всякий умеющий думать в то время, “когда не думает никто”. <...> Как бы пламенно ни был влюблён жених и как бы идеальны ни были его чувства, все же он если не спросит, то хотя бы подумает о приданом невесты – а раз это так, он уже не сумасшедший, а философ, способный стать на разумную точку зрения. В-третьих, любовь и брак со времён Соломона и Гомера окутаны таким густым облаком поэтической лжи, что только путём беспристрастного логического мышления можно определить их настоящую сущность».

И вот, следуя *беспристрастному логическому мышлению*, Садовской подчеркивает: «Как бы ни решался женский вопрос, одно несомненно: во всяком браке выбирает всегда мужчина. Поэтому говорить о философии брака с ее практическим выводом возможно, лишь став на жениховскую точку зрения. <...> При выборе жены различать надо в ней шесть достоинств: два ценных, но временных и бесполезных для брака <молодость и красота>, два постоянных, но малоценных <ум и характер>, одно мнимое <богатство> и одно настоящее, способное в браке заменить все остальное <такт>».

И далее, подробно и опять же с *беспристрастным* подходом, Садовской разбирает все эти достоинства, по ходу своего размышления высказывая весьма нелестные суждения об интеллектуальных способностях женщин, особенностях их характера (и суждениям этим отводится концептуально значимое место в структуре *философии брака*): «Область житейской мудрости для женщин закрыта. Творчества женщины не знают, критической способности у них нет. Художественное чутье или отсутствует, или выражено слабо. Инициативы никакой. <...> Прежде всего женский ум страшно сух и узок. Лишенный крыльев, он может только шагать и то по узкой дорожке. Вот почему бывают женщины математики, филологи, врачи, но нет философов и поэтов. Поэтессы и беллетристки не в счёт: это все золотая середина. <...> Женщины лишены не только гения, но и простейших талантов. Они могут лишь рабски подражать мужчинам и следовать за ними по готовым старым путям. <...> Характера в смысле силы воли у женщин нет. А принципы для них не существуют. Женский характер – это хаотическое смешение мелких желаний и побуждений под плотною пеленой лукавства».

Из всех женских достоинств Садовской *по-настоящему, фило-софски* ценит один такт, воздвигая его на недостижимую нравствен-ную высоту. Это главнейшее качество женщины, от которого и зави-сит счастье в браке. Указывая, что качество это «не поддается точ-ному определению», Садовской показывает, как он его понимает: «Молодость, красота, ум, характер, добродетель, стыдливость, цело-мудрие, благородство, порядочность и множество других женских достоинств – все это вместе и покрывается понятием такта и входит в него. Такт есть женственность в высочайшей степени. <...> Жен-щина, обладающая тактом, ничуть не умней и не красивей других. Вся ее особенность только в том, что она не может не быть собой, как не могли не быть собой Шекспир и Гете. Такт есть гений жен-щины, и в жизни он встречается так же редко, как творческий муж-ской гений. <...> Это не ум, не находчивость и даже не такт в узком смысле: это совсем особое чисто женское свойство, святая соль жиз-ни, без которой мужская сила – пресное молоко. Без него не было бы ни рыцарей, ни искусства, ни красоты. От Вечной Женственности мы ждём спасения мира».

Органичным олицетворением такта, по глубокому убежде-нию Садовского, является любимая пушкинская героиня – Татьяна Ларина. Мысль эта, сама по себе бесспорная и очевидная, особо знаменательна тем, что исходит из уст писателя, пережившего со-крушительнейшую эволюцию в отношении к создателю образа Та-тьяны Лариной. Если в дореволюционный период Садовской – по-следовательный «пушкинианец» – считает наследие великого поэта эстетическим эталоном, то после Октября 1917-го рассматривает его уже с точки зрения онтологического вреда не только для искусства, но и для самих основ жизни, видит в нем противное православно-государственным интересам. Так, в повести «Кровавая звезда» (1919) Николай I, боготворимый Садовским правитель России, называет Пушкина Фаустом, но имеется в виду здесь вовсе не мыслитель, не рыцарь нового и непознанного, не поборник истины, а лишь вероотступник, продавший душу свою сатане. И последний также явлен в повести, буквально в композиционной связке с Пуш-киным-Фаустом, в следующей же реплике Николая I: «И Мефисто-фель здесь...» [Садовской 1993а, 18]. Им разумеется безымянный барон из голландского посольства, символически аттестуемый «чер-ным человеком», – идеолог русофобии, само воплощение антирус-ского зла.

В 1920–1930-е годы восприятие Садовским Пушкина становится еще более жестким и категоричным: «духовное ничтожество» [Садовской 1992, 180]; «вся его поэзия от беса. В Пушкине, как в золоченом орехе, кроется яд невероятной разрушительной силы; у церковных людей этот яд называется соблазном» [Садовской 1993б, 117]. Но при всем том, несмотря на стремление Садовского «преодолеть Пушкина» [Садовской 1992, 178], неизменным, нетленным, величественным остается в его мировоззренческой системе образ Татьяны Лариной – нравственный идеал на все времена. И с акцентированием этого факта и связано все значение статьи «Философия брака».

В подробностях о пушкинском контексте «Философии брака», в частности о соотношенности судьбы ее автора с онегинским сюжетом, читайте в нашей специальной статье, опубликованной в журнале «Известия РАН. Серия литературы и языка» [Изумрудов 2022].

* * *

Для взаимоотношений Садовского с Верой Петровной Уваровой данная теория, изложенная в статье «Философия брака», не подошла. И не только потому, что была сильно рационализирована (впрочем, любая теория идет от рации), а потому, видимо, что Садовской слишком уж пытался уверовать с её помощью в то, чего на самом деле не было, – в женственный гений Веры Петровны.

Несколькими годами позже истории с Верой Петровной Уваровой у Садовского завязались отношения с Татьяной Владимировной Звенигородской, сестрой его друга поэта князя-рюриковича Андрея Владимировича Звенигородского. Но и тут теория не выдержала испытания жизнью, хотя уж и сам брак свершился, и таинство венчания со страшными словами священника было, и невеста именем пушкинской Татьяны осенена была... Идеал семейного счастья вновь не был найден... Что конкретно произошло, мы не знаем. В нашем распоряжении лишь следующий фрагмент из мемуаров Л.В. Горнунга: «У них в доме (у Звенигородских. – Ю.И.) часто бывал Садовской, примкнувший к младшему поколению символистов. Он мечтал совратить Татьяну Владимировну. Жизнь он вел развратную и разгульную и болел болезнями, связанными с его образом жизни. Татьяна Владимировна хотела сделать попытку вернуть его со скользкого пути на стезю добродетели. Садовской стал уже инвалидом: вследствие прогрессивного паралича у него отнялись ноги.

Венчание состоялось в церкви, и жениха возили на коляске вокруг аналоя. Несмотря на недовольство родных, брак все же состоялся, но Татьяна Владимировна не могла перенести недовольные претензии мужа и ушла от него жить к брату. Гневу Садовского на жену не было предела. Он не скупился на ругательства в ее адрес и создал сатирическую поэму о ней с подражанием “Орлеанской девственнице” Вольтера, но издевательства он излагал словами грубой эротики своей извращенной фантазии. Этот опус он размножил и разослал всем знакомым. Звенигородский имел бурное объяснение с Садовским. Татьяна Владимировна осталась жить у брата» [Горнунг 2019, 674–675].

Свидетельство это весьма пристрастное, а в чем-то и совершенно недостоверное (в грубо-оскорбительном отношении к Звенигородской), возможно, основанное на ложных, недобрых слухах, но иных документов прошлого на сей счет нет...

И наконец желаемый идеал семейного счастья был найден. Случилось это в конце 1920-х годов. Избранницей Садовского, на всю его оставшуюся жизнь, *его Татьяной*, стала Надежда Ивановна Воскобойникова, вдова казачьего офицера¹. Она полностью преоб-

---

¹ В том, что в некоторой части воспоминания Горнунга вызывают вопросы относительно достоверности, убеждают следующие строки из них о Н.И. Воскобойниковой-Садовской: «<Надежда Ивановна> в совершенстве овладела искусством интриги и по части распространения выдуманных ею сплетен не имела себе равных. Именно за эти прелестные качества часто жильцы слышали скандалы пострадавших от ее злонамеренных козней и длинного языка. Случалось, что ее истерические крики разносились по всей территории монастыря (чета Садовских проживала в одном из помещений под алтарем Красной церкви Новодевичьего монастыря. – Ю.И.), ибо потерпевшие не скупались на крепкие слова в ее адрес, а иногда применяли и другие меры воздействия. Но Надежда Ивановна была несправима. <...> Умер Б.А. Садовской в 19[52] году. После его смерти Надежда Ивановна перешла жить в одну из комнат в монастырских кельях и до самой своей смерти осталась верна своему мастерству создавать хитросплетения сплетен и распространять их по территории Новодевичьего монастыря среди обитателей его» [Горнунг 2019, 651, 653]. Строки эти из той части воспоминаний (а это очерки о Садовском, Ю. Верховском, А.В. Звенигородском), что дошла до нас лишь в записи московской собирательницы документов Серебряного века М.А. Торбин, которая могла вносить в них свои *акценты*. Известно, что Горнунг был недоволен качеством записи очерка о Верховском, о чем прямо известил Торбин: «Что касается Ваших записей моих воспоминаний, то в них так много недостатков, что мне приходится писать сейчас мои воспоминания заново. Как была права Людмила Ивановна Скорино (кри-

разила его жизнь, внося в нее смысл, создала домашний уют, устроенный быт, возможности для занятий творчеством... В полном смысле стала для него всем. И то, что мы сегодня знаем о многих произведениях Садовского послереволюционного периода, – во многом ее заслуга².

* * *

Идеи, высказанные в «Философии брака», – об особенностях характера и психологии женщин, об их интеллектуальной ограниченности в сравнении с мужчинами – не были оригинальными. На эту тему немало публиковалось работ в эпоху Серебряного века. Достаточно вспомнить книгу австрийского философа Отто Вейнингера «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1903), вышедшую на рубеже 1910-х годов в нескольких русских переводах, получившую сенсационный отклик в печати и повлиявшую на творчество ряда известных писателей как в дореволюционный, так и послереволюционный периоды: Е.А. Нагродской, А.П. Каменского, А.П. Платонова, И.Э. Бабея, Б.Л. Пастернака... [Берштейн 2004].

В статье Садовского симптоматично упоминается А.П. Чехов. И кстати тут будет заметить, в 1883 году Чехов, в ту пору студент-медик Московского университета и еще только начинающий литера-

---

тик, заместитель главного редактора журнала «Знамя». – Ю.И.), когда предостерегала Вас от отсебятины. Вы мне не перечитывали то, что было Вами напечатано на половинках бумаги, и давали мне копии. Когда же я позже мог прослушать эти записи, я понял, насколько они не соответствуют тому, что я говорил. В свое время я предложил заменить Вам записанное Вами на новые мои полноценные воспоминания. Таким образом, я Вам дал уже два года назад новые воспоминания об Ахматовой, Пастернаке и Богоевском, за которые я полностью отвечаю. И обещал дать и остальные воспоминания, когда они будут написаны, в обмен на имеющиеся у Вас записи на половинках листа. Эти Ваши записи нельзя сдавать ни в какой архив. Я от них отрекаюсь, и они подлежат уничтожению. Если они не будут уничтожены, то я вынужден буду заявить в основные архивы, что отказываюсь признать эти листки за мои воспоминания» [Горнунг 2019, 22]. Приводимые оценки характера жены Садовского (склочность, грубость) совершенно не соответствовали ее реальному образу жизни с мужем в монастыре. Ни у кого более из мемуаристов мы не найдем подобных суждений. Кроме того, есть в записи и явная фактическая ошибка: Надежда Ивановна умерла на пять лет ранее Садовского, в 1947 году, а далее он был на попечении ее сестры, Анны Ивановна Аббасовой (1898–1952).

² Подробнее о Н.И. Воскобойниковой-Садовской читайте в наших статьях [Измурдов 2021; Измурдов 2022].

тор, задумал подготовить научное исследование «История полового авторитета», в котором, в частности, решил представить свой взгляд на сущность и предназначение женщины через сопоставление с мужчиной. Вот какие в нем, к примеру, были тезисы: «Женщина – везде пассивна. Она родит мясо для пушек. Нигде и никогда она не выше мужчины в смысле политики и социологии. <...> Она хороший врач, хороший юрист и т. д., но на поприще *творчества* (курсив автора. – Ю.И.) она гусь. Совершенный организм – творит, а женщина ничего еще не создала. Жорж Занд не есть ни Ньютон, ни Шекспир. Она не мыслитель» [Чехов 1974, 64–65]. Строки эти сохранились в письме Чехова к брату Александру, приглашенному им в соавторы исследования, которое, так случилось, не пошло далее задумки. Данное письмо впервые было опубликовано в 1912 году, практически одновременно, в столичных журналах «Волны» (Бесплатное приложение к III изданию «Газеты-Копейки»; СПб., 1912, № 5) и «Солнце России» (1912, № 120–121). И наверняка оно было знакомо Садовскому, пристально следившему за прессой. Садовской вообще очень интересовался личностью и творчеством Чехова, писал о нем в своей критике, в частности, что примечательно в нашем контексте, рецензировал подготовленное М.П. Чеховой издание его писем (1912), дав им восторженную оценку (опять-таки через сопоставление с его *эталон*ом той поры – Пушкиным): «Закрывая книгу чеховских писем, ощущаешь дыхание какой-то вечной весны. Пусть это будет трюизм, но скажу так: хочется верить в наше человеческое, здешнее бессмертие. Кажется, что уж близко тот чеховский рай на земле, о котором он мечтал. “Через 200, 300 лет жизнь будет необыкновенно прекрасной, изумительной”. Да, это так, и залогом тому служит появление на земле таких людей, как Чехов. Эта бессмертная свежесть и правдивая красота чеховских писем дает им право стоять наряду с письмами великого Пушкина» [Садовской 1912, 4].

Подчеркнем: Садовской в концепции «Философии брака» никоим образом не был зависим от суждений Вейнингера и Чехова, как, впрочем, и от других соотносимых текстов. Многие в его мировоззрении шло от воспитания, атмосферы родительского дома³, кру-

---

³ По свидетельству А.И. Цветаевой, М. Горький давал такую характеристику Садовскому: «Его очень в семье баловали. Был кумиром. Каждое желание исполнялось» [Мейн < Цветаева > 1930, 96].

га общения (особенно в отроческие годы)⁴, общей консервативной закваски характера. Пищу для размышлений в этом плане дает его дневник, где читаем, к примеру, написанное в четырнадцатилетнем возрасте: «Женщина имеет одно предназначение: штопать чулки и нянчить детей» (1895) [Садовской РГАЛИа, л. 50].

* * *

В творческом наследии Садовского, в обширном массиве его статей (где по преимуществу – проблемная критика, обозрения, рецензии, литературные портреты, заметки), «Философия брака» стоит особняком. Пожалуй, ей в пару будет только эссе «Святая реакция», написанное двумя годами ранее. У него есть подзаголовок – «Опыт кристаллизация сознания». И таковой же, если вдуматься, можно бы адресовать и «Философии брака»: это тоже *кристаллизации сознания*; только если в «Святой реакции» это, разумеется применительно к сфере государственной, общественной, то здесь – семейной. Но не случайно говорят: семья – ячейка общества. Будет лад в доме – будет лад и в государстве. В смысловом отношении обе статьи перекликаются. В том числе и одним из ключевых мотивов – пушкинским. Но в «Святой реакции» акцентируются уже лишь такие *достоинства* женщины: *молодость, красота, богатство*, но не *такт*. Ибо в системе аргументации уже отсутствует образ любимой героини Пушкина, а есть лишь его жена Наталия Николаевна, вовсе не «чистейшей прелести чистейший образец»; ей не дано было сделать счастливой судьбу Пушкина, с ней он не смог отрешиться от своего предосудительного прошлого:

«В “Таврииаде” Пушкиным осмеян Иосиф, обручник Богоматери. Поэт насмешливо просит у него “беспечности, смирения, терпения, спокойного сна, уверенности в жене, мира в семействе и любви к ближнему”. Тогда еще он не подозревал всей ценности этих скромных благ. Из них ему как есть ничего не досталось, но этого мало; жена невинна, – а он – патентованный рогоносец. Так хитрый

---

⁴ Вот что записал, в частности, Садовской из суждений Василия Пантелеймоновича Далматова, знаменитого столичного актера, с которым близко сошелся, когда тот в сезоне 1897–1898 гг. выступал на сцене Нижегородского театра: «Женского творчества Далматов не признавал. Он уверял, что у женщин нет полета, что Бичер-Стоу и Жорж Занд были только “средними мужчинами”» [Садовской 1994, 137].

сатана разыграл над своим поэтом тему «Гавриилиады»» [Садовской 1990, 434–435].

«Гавриилиада» как непростительный и непростительный пушкинский грех фигурировала и в других послереволюционных сочинениях Садовского: уже упоминавшейся «Кротовой звезде» и романе «Шестой час» (1921), составивших своеобразную антибольшевистскую дилогию-*апокалипсис*⁵, а также романе «Пшеница и плевелы» (1936–1941), во многом итоговом произведении писателя.

Пушкин, дает понять Садовской, сам предопределил свою жизненную долю: взял жену по себе. Его поэзия лишь «кристаллизация житейского волнения», а не тех духовных ценностей, осененных именем Христовым, что могут «собрать личность, успокоить мятущееся сознание» [Садовской 1990, 434, 431], дать силы возвыситься над суетным, временным.

«Святая реакция» стала идейно-философским базисом всего послеоктябрьского творчества Садовского. В этом эссе он излагает свою консервативную позицию. Консерватизм понимается как торжество *реакции* над *прогрессом*:

«По природе прогресс бессилён и лжив. Течёт он неизменными путями, вращаясь в пустоте и вечно повторяясь. Это понимал Екклесиаст. Для него никакого прогресса и быть не может, раз нет ничего нового под солнцем.

Ведь только действительностью солнечной реакции осуществляется пассивный прогресс земли»;

«Все, без чего невозможно жить человеку, существовало и тысячу лет назад. Но не было тогда ничего такого, что для нашего времени могло бы оказаться лишним»;

«Прогресс, заставляя насильно участвовать в суете политики, вытаскивает нас обезьяньими лапами из-за Христовой пазухи.

Дары его душевны и телесны. Реакция духовна».

«Прогресс обольщает исканием, сулит новизну. И личность, покидая себя, рассыпается тучей праха. Ей в голову не приходит, что всё уже найдено, что Царство Божие в сердце» [Садовской 1990, 431–433].

Для общественного строя, управляемого реакцией (а это идеал автора – православная монархия), первый и главный закон: *всё уже*

---

⁵ Об этих двух произведениях читайте в наших статьях [Измурдов 2012а; Измурдов 2012б].

найденно – в политике, искусстве, морали, воспитании, внутрисловных и межсловных отношениях... И, разумея главную нашу тему, в положении женщины.

... О том, что и как *найденно* в положении женщины, и повествует статья «Философия брака».

* * *

Борис Садовской
Философия брака⁶

(Построение брачной теории на практической почве)

Всякая философия имеет основой логическое суждение. Философ обязан быть мудрецом. Между тем брак в громадном большинстве случаев является следствием любви, отрицающей, как известно, логику и здравый смысл. Влюбленный человек есть сумасшедший, душевнобольной, и место его в лечебнице. Вопрос: допустим ли в этом случае философский метод и не кроется ли в самом понятии «философия брака» безнадежного противоречия?

Во-первых, брак по любви никогда не может считаться идеалом брака и видеть в нём единственный смысл законных союзов есть ни на чем не основанное заблуждение. Во-вторых, философом имеет право быть всякий умеющий думать в то время, «когда не думает никто»⁷. Гамлет в самые страшные свои минуты прекрасно учитывал

---

⁶ Публикуется впервые, с авторизованной рукописи не установленного лица (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 69–83) [Садовской РГАЛИб]. В отношении пунктуации принята следующая тактика: в ряде случаев оставлено авторское написание; исправлены некоторые явные ошибки. Публикация, подготовка текста и комментарии Ю.А. Изумрудова.

⁷ Строка из «Сцены из Фауста» А.С. Пушкина, из следующего контекстуального отрывка:

Мефистофель

И знаешь ли, философ мой,
Что́ думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

сущность житейских мелочей, а Гамлетов гораздо больше, чем кажется. Как бы пламенно ни был влюблён жених и как бы идеальны ни были его чувства, все же он если не спросит, то хотя бы подумает о приданом невесты – а раз это так, он уже не сумасшедший, а философ, способный стать на разумную точку зрения. В-третьих, любовь и брак со времён Соломона⁸ и Гомера окутаны таким густым облаком поэтической лжи, что только путём беспристрастного логического мышления можно определить их настоящую сущность.

Все влюбленные напускают на себя больше любви, чем есть, и под гипнозом тысячелетней романтики наивно верят любовной чепухе, над которой сами потом смеются. Если бы государство предписывало всем женихам и невестам непременно откладывать свадьбу на год, девять десятых браков никогда бы не состоялось. Оттого-то влюбленные и торопятся обвенчаться: в самом деле, нельзя же все

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! —
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем... ([Пушкин 1959, с. 110 – 111]).

⁸ «Соломон, Шеломо (евр. Selomo, “мирный”, “благодатный”), третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965–928 до н. э.), изображённый в ветхозаветных книгах величайшим мудрецом всех времён; герой многих легенд. Его отец – царь Давид, мать – Вирсавия. <...> Соломон наделяется не только мудростью, но и невиданным богатством и славой. <...> Соломон изрёк три тысячи притчей и тысячу пять песней, в которых описал свойства всех растений, зверей и птиц. “Художница всего — Премудрость” (ср. София) позволила Соломону познать “устройство мира, начало, конец и средину времён. ...Всё сокровенное и явное” (Прем. Сол. 7, 17). <...> Соломону приписывается авторство двух библейских Псалмов (71 и 126), а также книг Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, девтероканонической книги “Премудрость Соломона”, апокрифических “Завета Соломона” и “Псалмов Соломона” [Мифы народов мира 1988, 460].

лгать до бесконечности. Подколесин⁹ совсем не комическая фигура: это герой, достойный глубочайшего сочувствия. Прислушайтесь к смеху женатых мужчин, когда дается «Женитьба»: в нем звучит зависть и неискренняя насмешка; женщины при этом совсем не смеются. Подколесин сделал то, о чем другие только мечтали, и психология его в различной степени присуща каждому жениху.

Признавая решающее значение любви в деле брака, следует твердо помнить, что брак и любовь нередко враждебны одно другому. Идеальная любовь совсем исключает брак. Данте, женатый на Беатриче, был бы смешон и гнусен. При совершении брачных союзов необходимы три правила: 1) уметь спускаться с небес на землю, 2) заставить себя размыслить о предстоящем шаге, 3) понять, что любовь, или, точнее, влюбленность – не главное, а одно из второстепенных условий брака.

Как бы ни решался женский вопрос, одно несомненно: во всяком браке выбирает всегда мужчина. Поэтому говорить о философии брака с ее практическим выводом возможно, лишь став на жениховскую точку зрения. Для женщины брак – важнейший вопрос и цель всей жизни, в глазах мужчины – одно из звеньев жизненной цепи. Самое страшное для девушки – остаться без мужа: у Крылова разборчивая невеста кончила тем, что с восторгом вышла за калеку¹⁰. Разборчивому жениху бояться нечего: любой

---

⁹ Персонаж комедии Н.В. Гоголя «Женитьба». Типаж крайне нерешительного жениха. Убегает от своей невесты в самый день венчания, буквально выпрыгивает из окна ее дома.

¹⁰ У басни И.А. Крылова «Разборчивая невеста» (1805) такое завершение:

Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужеством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку [Крылов 1956, 15].

старик может всегда жениться на молодой и красивой девушке: только умеи выбирать.

При выборе жены различать надо в ней шесть достоинств: два ценных, но временных и бесполезных для брака, два постоянных, но малоценных, одно мнимое и одно настоящее, способное в браке заменить все остальные. Теперь беспристрастно рассмотрим их.

Молодость и красота.

Достоинствами в строгом смысле считать их нельзя: молодость и красота суть только случайные и преходящие качества. В условиях брачной жизни они не только бесполезны, но прямо вредны. Между тем на эти приманки ловятся миллионы мужчин.

Молодость – самое мощное и самое опасное оружие женщины. Она сильнее красоты. Юная дурнушка побеждает пожилую красавицу.

Все вдовцы, начиная с царя Давида¹¹, ищут обновления в юности вторых жён. Старик, схоронив свою старуху, с которой он счастливо прожил сорок лет, через год женится на молодой девушке. Ему чудится, что он повторяет гамму юного счастья, начиная сызнова жизнь, но бедняжке в голову не приходит, что сам он уже не тот.

---

¹¹ «Давид (евр. David, возможно, “любимец”), царь Израильско-Иудейского государства (10 в. до н. э.), ветхозаветное повествование о котором придало ему черты эпического героя, царя-воителя, а последующая иудаистическая и христианская традиция связала с ним (и его родом) мессианские чаяния. <...> Эсхатологическая вера в мессию как “сына Давидова” была воспринята христианством: по Евангелию от Матфея, Иисус является прямым потомком Давида – только в силу такого происхождения Иисус (как и Давид, родом из Вифлеема), будучи “помазанником” (букв. значение слова “Христос”), имел право на “престол Давидов” и царский титул (Лук. 1, 27-33). <...> Ожидание пришествия «помазанника» (самого Давида или его потомков) — один из ведущих мотивов еврейского мессианства и вероучения некоторых христианских сект. <...> Давид изображается как патриарх, как отец множества детей, рождённых его многочисленными жёнами и наложницами. <...> Известностью пользуются рассказы о любви Давида к умной и красивой Авиге и особенно к Батшебе (Вирсавии), которую он увидел купающейся и затем взял в жёны, а мужа её, верного воина Урию Хеттянина, отослал на войну с аммонитянами заведомо на смерть. Яхве наказывает Давида смертью младенца, рождённого Вирсавией; однако второй сын Вирсавии – Соломон оказывается угодным богу (пророк Нафан нарекает ему имя Иедидиа, “возлюбленный богом»)» [Мифы народов мира 1987, 343–345].

Молодость уступает красоте только во времени. После двадцати лет женщина теряет чары юности, но красоту еще можно удержать до тридцати, даже до сорока лет.

Старая красавица подобна тупой бритве в изящном подержанном футляре.

Жена, утратившая молодость и красоту и не имеющая других достоинств, может быть прекрасной матерью и хозяйкой: тогда семейное счастье спасено. Если же этого нет, мужу остается терпеть и ради собственных выгод поощрять в жене кокетство и желание казаться юной красавицей. Полезно в этих случаях выказывать иногда притворную ревность, особенно при посторонних: подобные сцены льстят жене и создают в доме хорошую погоду.

Молодость – качество абсолютное, она не нуждается в оправдании; напротив, красота является достоинством относительным и условным.

Нет женщины, которая не могла бы понравиться хотя одному мужчине. И на Лизавету Смердящую¹² нашелся охотник. Наши нигилистки, стриженные и в очках, имели любовников; была замужем и бородатая Юлия Пастрана¹³, умершая от родов.

---

¹² Лизавета Смердящая, персонаж романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»; мать Павла Федоровича Смердякова.

¹³ Юлия (Хулия) Пастрана (1834–1860) – мексиканка, страдавшая врожденным гипертрихозом: её лицо и тело, кроме ладоней и подошв, были полностью покрыты прямыми чёрными жёсткими волосами. Черты лица были непропорциональны, уродливы, рост составлял всего 138 см. Юлия производила впечатление «человека-обезьяны». При этом отличалась образованностью, хорошими манерами, имела способности к танцам. Некие ловкие дельцы, поняв, что на Пастране можно делать деньги, уговорили ее участвовать в разных сценических действиях (к примеру, в шоу уродов) в США, Англии. А один даже убедил Пастрану выйти за него замуж и организовал для нее мировое турне под названием «бородатые и волосатые леди». С шумным успехом прошли «гастроли» Пастраны в России (в частности, в Петербурге с афишами: «Чудище в кринолиновой юбке»), где на одном из ее представлений побывал сам император Александр II. Нашлось немало претендентов на руку Юлии, уже имевшей хорошее состояние, однако она отвергла их, будто бы под предлогом, что они недостаточно богаты. Во время пребывания в России Юлия забеременела, но после родов умерла, умер и ее ребенок, унаследовавший ее недуг. Муж ее (он звался Теодором Лентом) забальзамировал останки и жены, и ребенка и устраивал с ними различные представления в Англии. Затем женился на другой женщине, похожей на Юлию внешне, представил ее как сестру Пастраны и показывал ее на выставках вместе с мумиями. Земной путь Лента (что символично)

завершился в психиатрической лечебнице в Петербурге в 1880 году. История же с мумиями продолжилась. Сначала их демонстрировала новая вдова Лента, потом они были проданы в цирк города Вены. А далее – «комната ужасов» в Норвегии. Были угрозы нацистов во Вторую мировую войну уничтожить мумии, однако их удалось убедить, что «редкостные экспонаты» принесут немалые деньги третьему рейху. В 1970-е годы мумия ребенка была изуродована вандалами и съедена мышами. А забальзамированное тело Пастраны украли, потом нашли, хранили для научных экспериментов в университете Осло. И только в 2013 году похоронили на родине, в Мексике. Все это складывается в сюжет, достойный пера Бориса Садовского, любившего всякую небывальщину и чертовщину. Вспомним, к примеру, фантазмагории повести «Амалия» (1922) и романа «Приключения Карла Вебера» (1923) – его лучших произведений. Остается только сожалеть, что история «женщины-обезьяны» не получила художественной трактовки нашего автора. Впрочем, некий отзвук ее образа (как своего рода намек) угадывается в его романе «Приключения Карла Вебера», который писался одновременно со статьей «Философия брака» (Читайте об этом в приложении 1 к нашей статье). Российская пресса немало писала о Пастрани, вплоть до Серебряного века. Из всего спектра публикаций выделим психологический очерк (1904) уже упоминаемого выше В.П. Далматова, с необычной, удивительной концепцией судьбы «женщины-обезьяны», которую современный исследователь так разъясняет: «...воспоминания смешиваются с вымыслом. Как иллюстрация к “психологическому очерку” добавлен замечательный, но и достаточно редкий портрет Юлии, в котором выражается глубокая грусть молодой волосатой женщины. Весь смысл рассказа состоит в том, чтобы возбудить сострадание читателей к Пастрани. С этой целью автор придумывает ей приемного сына Володю, который передает рассказчику записную книжку, а также последнее письмо Пастраны. Таким образом, читатель знакомится с самыми заветными мыслями и чувствами этих двух персонажей, которые считают, что они “настоящие люди”, в то время как остальные – “самомящие обезьяны!” Физическое уродство Пастраны опровергнуто, оно меркнет перед “моральным уродством” людей, которые ведут себя как звери. Весь рассказ построен на этой инверсии» [Морар 2017]. Интересно, что приемный сын Пастраны Володя, «драматический артист», считавший Гамлета «первым христианским философом», дает оценки творческим способностям женщин, близкие тому, что формулировал сам Далматов (см. выше фрагмент из «Записок» Садовского) и что в определенной мере перекликалось с положениями статьи «Философия брака»: «... с момента вступления женщины на сценические подмостки, драматическая литература стала хиреть <...> Женщина вдохновляла гениальных поэтов, женщина, самая простая, не просвещенная женщина служила источником вдохновения и была опорой лучшим людям всех времен... <...> Но, к нашему несчастью, служить источником вдохновения – это занятие пассивное, а вдохновляться самой и служить высшим идеалам далекого будущего, игнорируя земное благо – успех дня, требует уродливого самоотвержения, той бескорыстной деятельности, на которую способны только уроды, как исключение, потому что женщина вообще

116

Абсолютная внешняя красота возможна только в искусстве. В деле женитьбы она отступает на задний план. Красота, как условие брачной жизни, имеет свой крайне узкий этико-эстетический канон и для мужа сводится к двум задачам: избежать рогов и создать домашний уют.

Если девушка имеет склонность выставлять ноги, без нужды щеголяя обувью и исподним платьем, ей лучше оставаться незамужней. Еще опаснее жениться на девушке, любящей неприличные шутки и анекдоты.

От говорливых и крикливых красавиц надо бежать как от чумы. Болтушка несноснее дюжины канареек: словоохотливая жена может довести до самоубийства. Вообще разговаривать с женщинами трудно и скучно; каково же изо дня в день слушать одно и то же?

Жена, набивающая за чаем папиросы и пускающая табачный дым в лицо своему малютке, бесповоротно губит поэзию домашнего очага.

Необходимо наблюдать невесту в ее семье, изучая при этом близких ее родных, особенно мать. Тёще, имевшей в молодости любовников, приятно видеть рогатого зятя: это ее оправдывает и в глазах дочери, и в собственных глазах. После того, как сделано предложение, за невестой надо следить особенно зорко. На радостях многие девушки, видя, что жених пойман, позволяют себе вольность в обращении и небрежность в костюме. Тогда лучше последовать во время примеру Подколесина.

Для философа молодость и красота жены стоят на самом последнем плане. В семейной жизни эти качества являются обременительной роскошью. Как бы ни была добродетельна молодая красавица, ей непременно захочется развлечений: отсюда один шаг до нарядов и поклонников. Разумнее всего жениться на скромной хозяйственной девушке из честного семейства, молчаливой и миловидной, не моложе двадцати пяти лет. Такие жены дольше сохраняются и хорошеют под старость.

по своей организации не способна к большим полетам, что она уже <...> и доказала исторически» [Далматов 1904].

Ум и характер.

Ум и характер в жене суть качества постоянные, но, как это ни странно, в глазах философа они не имеют большой цены¹⁴.

---

¹⁴ У Садовского есть стихотворение с принципиальным названием «Умной женщине»:

Не говори мне о Шекспире,
Я верю: у тебя талант,
И ты на умственном турнире
Искуснее самой Жорж-Занд.

Но красотой родной и новой
Передо мной ты расцвела,
Когда остались мы в столовой
Вдвоём у чайного стола.

И в первый раз за самоваром
Тебя узнал и понял я.
Как в чайник длительным ударом
Звенела и лилась струя!

С какою лаской бестревожной
Ты поворачивала кран.
С какой улыбкой осторожной
Передавала мне стакан!

От нежных плеч, от милой шеи
Дышало счастьем и теплом.
Над ними ангел, тихо рея,
Влюблённым трепетал крылом.

О, если б, покоровшись чарам,
Забыв о книгах невзначай,
Ты здесь, за этим самоваром,
Мне вечно наливала чай!

1914 [Садовской 2001, 92–93].

Лирический герой ценит интеллектуальные способности своей подруги, но с гораздо более отрадным чувством открывает в ней качества, что неизмеримо для него выше всех знаний о Шекспире, Жорж-Занд и прочем, – качества, обобщаемые им понятием «такт», разумеемым «единственным и ценнейшим достоинством женщины», о котором идет речь в заключительной и обобщающей части статьи «Философия брака». Самовар здесь – вовсе не случайный бытовой предмет, а продуманный символ. Стихотворение – важная составная часть поэтического цикла Садовского «Самовар», вышедшего отдельным сборником в 1914 году, ставшим своеобразной визитной карточкой автора. Цикл знаменательно открывается предисловием, излагающим жизненную философию Садов-

Женский ум совсем не то, что мужской. Это или инстинктивная животная хитрость, или сухая способность к усвоению книжных истин. Область житейской мудрости для женщин закрыта. Творчества женщины не знают, критической способности у них нет. Художественное чутье или отсутствует, или выражено слабо. Инициативы никакой.

Умных красавиц в природе не бывает. Умные женщины все некрасивы. Оставляя в стороне хитрость, присущую всем женщинам вообще, рассмотрим свойства женского ума в прямом значении слова.

Прежде всего, женский ум страшно сух и узок. Лишенный крыльев, он может только шагать, и то по узкой дорожке. Вот почему бывают женщины математики, филологи, врачи, но нет философов и поэтов. Поэтессы¹⁵ и беллетристки не в счёт: это все золотая середина. Каждая женщина может сделаться писательницей, верно заметил Чехов¹⁶.

ского, конкретизируем затем отдельными поэтическими картинками. Вот, в частности, строки из начала предисловия: «Самовар в нашей жизни, бессознательно для нас самих, огромное занимает место. Как явление чисто русское, он вне понимания иностранцев. Русскому человеку в гуле и шепоте самовара чудятся с детства знакомые голоса: вздохи весеннего ветра, родимые песни матери, веселый призывный свист деревенской вьюги. <...> Человек, обладающий самоваром, уже не одинок. Ему есть с кем разделить время, от кого услышать добрый совет, близ кого отогреться сердцем. Двое собеседников в сообществе самовара теплей сближаются, понимают нежней друг друга. Целомудренная женщина подле самовара сразу овеивается поэзией подлинного уюта и женственной чистоты. Сельскому жителю самовар несет возвышенный эллинский хмель, которого одичалый горожанин уже почти не знает» [Садовской 2001, 85–86].

¹⁵ Из представительниц прекрасного пола, пишущих стихи, Садовской (в статье «Конец акмеизма») особо выделял Анну Ахматову, подчеркивая, что она «именно, поэт, а не поэтесса». Он сопоставлял ее с самим Блоком, бывшим для него олицетворением самой Поэзии, «“Моцартнейшим” из Моцартов» [Измурдов 2019, 48]: «В поэзии Ахматовой чувствуется что-то родственное Блоку, его нежной радости и острой тоске; можно сказать, что в поэзии Ахматовой острая башня блоковских высот, как игла, пронзает одинокое нежное сердце». И далее в указанной статье он отмечал: «Ахматову упрёкают в однообразии, в том, что она мало “ищет”: но чего же искать поэту, нашедшему себя, и причем вообще в святом деле искусства все эти суетные “искания”? Всякий поэт дает, что у него есть, и странно требовать, чтобы легкая женская нога оставляла за собою тот же след, что закованная в железо нога сурового воина» [Садовской 2014, 391].

¹⁶ Фраза Шамохина, героя рассказа «Ариадна» (1895), по поводу способностей знакомой ему девушки Ариадны писать «душистые, литературные»

Женщины лишены не только гения, но и простейших талантов. Они могут лишь рабски подражать мужчинам и следовать за ними по готовым старым путям. Даже в своём собственном женском деле они уступают нам: повар всегда превзойдёт кухарку, дамский портной искуснее портнихи.

Умные женщины педантичны и упрямы до деспотизма. Спорить с ними нельзя: они постоянно правы. В своих религиозных и политических взглядах женщины тверже и консервативнее мужчин, но отнюдь не по убеждению, а от неспособности отвергнуть заученные однажды чужие мнения. Не умея анализировать явления, женщина вечно стремится их обобщать. Упорство в защите необоснованных синтезов – так определяется женский ум.

Пушкин сказал:

Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце¹⁷.

Вообразите такого академика в семье, за домашним столом, в минуты отдыха и забавы, на брачной постели, на прогулке, среди знакомых. Представьте суждения его о прочитанной книге, о новых картинах, о музыке, о политике, о науке. Слышать все это от женщины с некрасивым сухим лицом, с мужскими манерами, в безвкусном платье, пожалуй, еще с папиросой и в очках; сознать, что во всей этой болтовне нет ни одного живого слова, ни одной собственной мысли, – нет! лучше жить с учёным попугаем, чем с умной женой. Попугаю по крайней мере можно не отвечать.

Не оттого умные девушки редко выходят замуж, что некрасивы, а оттого, что умны. Вот почему они ловят безусых студентов, неопытных юношей; для того и идут на курсы. Зрелый жених не попадет на эту удочку.

Огромное большинство курсисток, выйдя замуж, бросают школу и расстаются с наукой.

письма, «отдающие сочиненностью»: «Я того мнения, что каждая женщина может быть писательницей» [Чехов 1977, 117–118]. См. примечание № 21.

¹⁷ Строки из романа в стихах «Евгений Онегин» (Глава III. Строфа XXVIII). У Пушкина в тексте: шале.

Характера в смысле силы воли у женщин нет. А принципы для них не существуют. Женский характер – это хаотическое смешение мелких желаний и побуждений под плотною пеленой лукавства. Мужчина лжёт по необходимости, женщина из любви к искусству; оттого глупые жены проводят умных мужей. Распознать характер девушки почти невозможно: в замужестве он нередко меняется совсем. Уж если Сократ, мудрейший из мудрецов, выбрал себе Ксантиппу¹⁸, что говорить о простых смертных?

Сварливая жена – огромное неудобство в семейной жизни. Надо тщательно изучить оттенки голоса и смеха невесты, прежде чем сделать предложение. Когда девушка с кавалером беседует ангельским голоском, а обращаясь тут же к матери, берет суровые ноты, ясно, что первый тон фальшив. Один жених нечаянно подслушал, как невеста выговаривала кухарке; сперва он не узнал ее голоса, а, узнав, потихоньку ушёл и больше не возвращался.

Ревность обычно сопутствует сварливости. Лучше жениться на блондинках: они смиренней и послушнее брюнеток и не так ревнивы. Впрочем, вкусы мужей бывают своеобразны. Одного жена поедом ела больше тридцати лет: овдовев, старичок почувствовал такую скуку, что тотчас принялся искать злых и ревнивых невест; выбрал подходящую вдову, но, с горечью убедившись, что новая жена недостаточна сварлива, вскоре затосковал и умер.

Итак, терпимый характер жены слагается из гибко-негативных достоинств: не ревновать и не быть сварливой. Муж такой женщины видит перед собой покорное бессловесное существо, с любящим тихим взором, с готовностью исполнить все, что ему прикажут. Правда, подобное счастье скучновато – пресные блюда приедаются, – но к скуке можно привыкнуть, а бесхарактерная супруга все-таки меньшее из брачных зол.

Богатство

Это качество, мнимое в полном значении слова, в брачной практике играет важную, вполне реальную роль. При блеске и звоне

---

¹⁸ Ксантиппа (около 440 года до н.э. – после 399 года до н.э.) – жена древнегреческого философа Сократа (около 469 года до н. э. – 399 год до н. э.); была младше мужа на 30 лет. Ее имя стало нарицательным, в значении «сварливая жена». Сократу приписывают изречение: «Женись непременно. Попадётся хорошая жена – станешь счастливым. Плохая – станешь философом».

золота достоинства жены кажутся несомненными, а недостатки терпимыми.

Золотой дождь утучняет ниву семейного счастья.

По-видимому, богатая невеста имеет право быть разборчивой, но это самообман. Она находится в положении лисицы, выбирающей охотника, который ее застрелит. Если невеста неглупа, она превосходно видит, что женихи охотятся не за ней, а за ее приданым. Сознавая это, девушка нетерпеливо ждёт достойного избранника, заслуживающего взять приз. Вот почему богатые невесты часто выходят за нищих художников и учёных. Ими руководит благородная цель: развить и поддержать талант, не говоря о любви, этим талантом внушаемой.

Если бы жена Пушкина была богата, поэта ждал бы иной конец.

Богатая жена похожа на птицу в золотой клетке. Золото, не прибавляя ничего к ее оперению и голосу, выставляет эти качества в наилучшем свете.

Мудрец относится равнодушно к богатству жены. Он даже делает вид, будто не замечает его совсем, и так держит себя с женою, что та начинает считать свое приданое слишком ничтожной платой. Задача мужа богатой женщины – заставить жену не только уважать и любить себя, но и трепетать каждую минуту, что он ее может бросить.

Такт

Единственное и ценнейшее достоинство женщины – такт, не поддается точному определению. Самое слово «такт» есть только условный знак, подобный алгебраическому иксу, зато под него можно всегда подставить целый ряд положительных величин. Молодость, красота, ум, характер, добродетель, стыдливость, целомудрие, благородство, порядочность и множество других женских достоинств – все это вместе и покрывается понятием такта и входит в него.

Такт есть женственность в высочайшей степени.

Идеальная женственность или такт – да простится нам это слово – как пояс Венеры преображает женскую мелочность и пошлость в сияние чистой красоты.

Женщина, обладающая тактом, ничуть не умней и не красивей других. Вся ее особенность только в том, что она не может не быть собой, как не могли не быть собой Шекспир и Гете. Такт есть гений

женщины, и в жизни он встречается так же редко, как творческий мужской гений.

Обаяние этого гения всеильно. Он доводит все лучшие свойства женщины до их предельного совершенства. С ним во всяком месте при всех возможных условиях женщина всегда пребудет на высоте.

Это не ум, не находчивость и даже не такт в узком смысле: это совсем особое чисто женское свойство, святая соль жизни, без которой мужская сила – пресное молоко. Без него не было бы ни рыцарей, ни искусства, ни красоты.

От Вечной Женственности мы ждём спасения мира.

На фоне брака женственный такт ярко выделяет фигуру мужа, усиливая его достоинства и недостатки. Это делается не по желанию жены, часто даже помимо ее воли: так солнце не может не освещать земли.

Если владеющая тактом жена молода, она ведёт себя так, что молодость ее, никого не оскорбляя, кажется тем, чем ей и следует быть: случайным и преходящим качеством.

Если красива, она так держит себя, что красоты ее никто не видит, кроме мужа, а посторонним мужчинам в голову не приходит, что за ней можно ухаживать. Она постоянно вне подозрений. О, если бы жена Пушкина одарена была тактом!

Ум тактичной жены не книжная ученость и не уловки звериной хитрости, а полное абсолютно-точное знание и сознание своих женственных прав и преимуществ. Умная жена и себя, и мужа умеет поставить всегда на первое место. Сколько мужей прослыло за умников, благодаря своим жёнам!

Каков должен быть характер тактичной жены, ясно из предыдущего. Женственный гений помогает ей во всех положениях найти наилучший выход. Ум и характер сливаются в магическую призму. Радости семейного кружка для неё выше всего именно потому, что она настоящая женщина и в этом ее призвание. Ей ясно как день, что счастье ее в счастье мужа, и она, осуществляя заповедь, действительно составляет с ним единую плоть. На духовную свободу мужа такая жена никогда не посягнёт, ей это не нужно: у мужа от нее не бывает тайн, но горе, если они возникнут! Пример – графиня С.А. Толстая, подвижница великого терпения и силы духа. Л. Толстой неизмеримо ниже во всех отношениях: шутовское бегство его и

жалкий конец являются достойною карой за измену самоотверженной и благородной жене¹⁹.

Женственность делает уродо красавицей в глазах любящего мужа. Супруга графа Алексея Толстого была до того безобразна, что избегала сниматься и позировать художникам; у неё были только чудесные волосы, одна из основных женских прелестей, – и однако поэт все принёс к ногам её²⁰. Не редко бывает, что молодые мужья страстно любят пожилых жён, владеющих волшебным магнитом женственности красоты.

Но женственность сама по себе еще не есть такт, и далеко не всякая женственная жена тактична. Идеалом жены можно назвать Татьяну: она абсолютно женственна, и по сравнению с нею легко видеть относительность женственности в смысле простого качества. Татьяна во всех случаях жизни ведёт себя безупречно и с честью выходит из поединка с Онегиным. В Анне Карениной тоже есть женственность, но отсутствует такт: поступки ее и смерть доказали это. Анна не умна, хотя читает и следит за литературой. Татьяна вряд ли что читала, кроме Ричардсона и Мартына Задеки, особых способностей у неё незаметно, а между тем чувствуешь, что она очень умна. Этот неосязаемый женский ум Татьяны и есть настоящий такт.

Анна Каренина искусственно избегает деторождения. У Татьяны нет детей, но здесь только подлецу или идиоту может явиться подозрение. Анна курит: ей это идёт, но вообразите Татьяну с папирсой!

Женственна и Чеховская Ариадна²¹, но кто же пожелает иметь такую жену?

---

¹⁹ Софья Андреевна Толстая (урождённая Берс); 1844–1919.

²⁰ Софья Андреевна Толстая (урожд. Бахметева, в первом браке Миллер); 1827–1895.

Друг Б.А. Садовского, поэт и прозаик А.А. Кондратьев писал в статье «“Крымские очерки” гр. А.К. Толстого. (Из записной книжки поэта)», опубликованной в 1912 году в журнале «Современник», в котором Садовской заведовал литературным отделом: «У Софьи Андреевны были прекрасные печальные глаза, придававшие выражение какой-то неземной грусти ее не отличавшемуся особою красотой лицу» [Кондратьев 1912, 381].

²¹ Героиня рассказа А.П. Чехова «Ариадна». Сюжет рассказа построен на исповеди помещика Шамохина перед случайным попутчиком о своем неудачном романе с молодой красивой девушкой Ариадной, сестрой своего соседа по

Одним словом, супруг тактичной жены искренно сознает себя обладателем юнейшей, красивейшей, умнейшей и добродетельнейшей женщины. С тактичной женой богатство не нужно: при ней будет рай и в шалаше. Итак, идеал семейного счастья найден, – что и требовалось доказать.

имению. Вот как он в итоге высказался о сути характера Ариадны: «Главным, так сказать, основным свойством этой женщины было изумительное лукавство. Она хитрила постоянно, каждую минуту, по-видимому, без всякой надобности, а как бы по инстинкту, по тем же побуждениям, по каким воробей чирикает или таракан шевелит усами. Она хитрила со мной, с лакеями, с портье, с торговцами в магазинах, со знакомыми; без кривлянья и ломанья не обходился ни один разговор, ни одна встреча. Нужно было войти в наш номер мужчине, – кто бы он ни был, гарсон или барон, – как она меняла взгляд, выражение, голос, и даже контуры ее фигуры менялись. Если бы вы видели ее тогда хоть раз, то сказали бы, что более светских и более богатых людей, чем мы, нет во всей Италии. Ни одного художника и музыканта она не пропускала, чтобы не налгать ему всякого вздора по поводу его замечательного таланта. <...> И всё это для того, чтобы нравиться, иметь успех, быть обаятельной! Она просыпалась каждое утро с единственной мыслью: “нравиться!” И это было целью и смыслом ее жизни. <...> Ей каждый день нужно было очаровывать, пленять, сводить с ума. То, что я был в ее власти и перед ее чарами обращался в совершенное ничтожество, доставляло ей то самое наслаждение, какое победители испытывали когда-то на турнирах. <...> Часто, глядя, как она спит или ест, или старается придать своему взгляду наивное выражение, я думал: для чего же даны ей богом эта необыкновенная красота, грация, ум? Неужели для того только, чтобы валяться в постели, есть и лгать, лгать без конца? Да и была ли она умна?» [Чехов 1977, 126–128]. Интересный разбор рассказа «Ариадна», а также и некоторых других произведений Чехова (прежде всего, «Душечки»), в контексте его уже упоминавшейся нами «Истории полового авторитета», дала известный искусствовед Н.А. Дмитриева. Она, в частности, отметила по поводу скепсиса писателя в отношении художнического дара женщин: «В России 1880–1890-х годов было уже немало пишущих женщин, но сколько-нибудь серьезных талантов среди них не появлялось – время женщин-творцов пришло позже. Чехов не знал блестящей юмористической прозы Надежды Тэффи, получившей известность в XX столетии, не знал поэзии Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, после которых сомневаться в творческом потенциале женщин стало невозможно» [Дмитриева 2012, 233–234].

Приложение 1.

В романе «Приключения Карла Вебера» есть такой персонаж Конфетти, итальянец из Венеции, родившийся в богатой, но рано разорившейся семье. Он друг главного героя Карла Вебера, внука гетмана Мазепы и незаконного сына царя Петра Первого, завещавшего Карлу ехать на Южный полюс в поисках праведной «волшебной земли», где «тайну земного счастья постичь сумели». На совести Конфетти были греховные поступки, жизнь свою он посчитал неудавшейся – и решил вместе с Вебером ехать на Южный полюс. Но перед этим, как на исповеди, поведал другу о своих злоключениях. Так, однажды его за аморальность во исполнение «дикой мечты: непременно разбогатеть», за «вселившегося в него беса алчности», приговорили к повешению. И надо ж так случиться, спасла его именно некая странная дама, в которой мы небеспочвенно почувствовали пародийный отзвук образа Юлии Пастраны. Дадим, однако, слово самому Конфетти: «В Генуе все знали богатую вдову Юлию. Огромного роста, здоровая, с грубым голосом, она походила на мужчину. С ней жила дюжая камеристка Варвара, схожая с госпожой голосом и приемами. Разница была только в том, что у Юлии волосы походили на лен, а у Варвары чернели подобно бархату. Юлия не знала счета возлюбленным, меняя их постоянно. Кто только не побывал в их числе! Заезжие иностранцы, аббаты, пастухи, герцоги, даже нищие, даже преступник с обрезанным носом и ушами. В любовных проделках Юлии помогала Варвара: носила записки, устраивала свидания, – все с чрезвычайной охотой, хотя сама была целомудренна как луна.

Меня повесили на закате в чудный весенний вечер. По обычаю труп должен был оставаться в петле до утра.

Часа через два после казни Юлия и Варвара выехали при месяце вдвоем кататься.

– Варвара, меня привлекает этот висельник. Посмотрим его поближе.

– Страшно, госпожа.

– Вот вздор! Ну что мертвец тебе сделает? Ведь он уже не мужчина и даже не человек.

Кошунствуя и болтая неприличные шутки, Юлия соскочила с коня, отдала повод Варваре и, приподняв платье, подбежала к виселице. Скоро раздался ее голос:

– Варвара, сюда. Помоги его снять, он дышит!

Действительно, я был жив. Должно быть, платок на шее не дал верхнему позвонку сломаться. Юлия и Варвара взяли меня и отвезли в свое палаццо. <...> Легко догадаться, чем кончилось дело. Я страстно влюбился в Юлию и без труда получил взаимность. Красавица одела меня в польский костюм, я отпустил усы, бороду, локоны на висках и стал похож на варшавского еврея. Часто Юлия сажала меня на колени, играла со мной, резвилась и на вопрос: “Любишь ли ты меня?” – неизменно отвечала: “Очень у тебя мягкие губы, и ты похож на мышонка”.

Жил я в полном довольстве, мечтая о женитьбе и о путешествии с Юлией в Америку» [Садовской 1990, 60].

О дальнейших событиях повествовать не будем: все это уже выходит за рамки обозначенной нами темы.

Конечно, фактическая сторона процитированного весьма далека от реального портрета Юлии Пастраны, но некоторые детали имеют несомненное ассоциативное звучание. К тому же, совершенно не случайна и перекличка в имени.

* * *

Отметим также, в довершение нашей статьи: необычные, сотканые из фантазмагорий герои романа Садовского из петровской эпохи обнаруживают порой некоторые автобиографические отсылки (хотя, может быть, и невольные). Так, разглагольствования барона Мюнхгаузена (передающего мысли своего хозяина, переселившегося после Полтавской битвы в Турцию и ставшего «пашой из русских» Филиппа Орлика, сподвижника Мазепы) идут в контексте, хотя и сниженном, логики «Философии брака»: «...женщина и книга – враги. Кто любит женщин, не может любить книг, и наоборот. Оттого женщины ненавидят книги и вредят им: жгут, изводят на домашние нужды, портят. Зато и книги не остаются в долгу: никак не хотят даваться женщинам. Сколько женщина ни прочитай – всегда останется дурой» [Садовской 1990, 28].

Ну, а рассказ Карла Вебера, в связи с приказом царя Петра жениться на одной из двух карлиц (Зануде или Мурехе), не трудно – конечно же, комически – соотнести с изложенными нами неудачны-

ми попытками самого Садовского найти себе жену по лекалам все той же «Философии брака»: «Царь не отставал. Он сулил мне чины и поместья, обещал милости, деньги, дом.

– А которая больше тебе по нраву?

– Зануда, ваше величество.

– Муреха лучше. С ней тебе веселее будет. Она и петь, и плясать. С Занудой ты, брат, закиснешь.

– Вы мне позволили выбирать.

– Черт с тобой, бери Зануду. Свадьба завтра. Ну, по рукам?

Зануда мне самому очень нравилась. Что она карлица, так это еще приятней: такую жену можно носить на плече, как птицу, или держать в кармане. Я согласился. Гостям объявили о помолвке. Зануда, взвизгнув, бросилась в угол. Я взял ее на руки и поцеловал. Все нас поздравляли.

– Эй, женись на Мурехе, – сказал царь. – Гляди, как сердится девка. Видно, ты ей по нраву.

Я все надеялся, что царь раздумает или отложит свадьбу. Но этого не случилось. Нас обвенчали за вечерней. Балакирев, взгромоздясь на подножки, держал надо мной венец с непристойными фигурами, выточенными царем из слоновой кости. Позади Зануды стоял Свинхен (карлик, «любимец царя». – Ю.И.). На клиросе вместе с карликами пел царь. <...>

Зануда – плохая жена. Царь прав: лучше бы взять Муреху. Зануда все плачет, хозяйничать не умеет и угождать мне не хочет. <...>

– Говорил я тебе, дураку, женись на Мурехе. Сам виноват.

– А где Зануда?

– На том свете. Ты убил ее. Ну, это твое дело, ты муж, а как ты смел избить моего шута? <...>

– А теперь женись на Мурехе, – сказал мне царь.

Я попятился. Муреха от ужаса села в грязь.

– Не бойтесь, я пошутил. Ха-ха!» [Садовской 1990, с. 45–48].

Источники

Влюбленные в Фета 2008 – *Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922)* // Наше наследие. 2008. № 85. С. 76–115.

Горнунг 2019 – Горнунг Л.В. «Свидетель терпеливый»: *дневники, мемуары*. М., 2019.

Далматов 1904 – Далматов В.П. *Юлия Пастрана* // Библиотека театра и искусства». 1904. Кн. 1, 3, 4, 7. [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL:

http://az.lib.ru/d/dalmatow_w_p/text_1904_pastrana_olderfo.shtml) (дата обращения 20.05.2023).

Кондратьев 1912 – Кондратьев А.А. «Крымские очерки» *гр. А.К. Толстого*. (Из записной книжки поэта) // Современник. 1912. № 6. С. 375–384.

Крылов 1956 – Крылов И.А. *Басни*. М.-Л., 1956.

Мейн <Цветаева> 1930 – Мейн А. <А.И. Цветаева> *Из книги о Горьком* // Новый мир. 1930. № 8/9. С. 94–115.

Мифы народов мира 1987 – *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1987.

Мифы народов мира 1988 – *Мифы народов мира*. Т. 2. М., 1988.

Пушкин 1959 – Пушкин А.С. *Собр. соч.: В 10 т.* Т. 2. М., 1959.

Садовской 1912 – Садовской Б.А. *Письма Чехова (Письма А.П. Чехова. Том второй (1888–1889). С иллюстрациями. Издание М.П. Чеховой. Москва, 1912)* // Русская молва. 1912. 9 (22) декабря. С. 3–4.

Садовской 1990 – Садовской Б.А. *Лебединые клики*. М., 1990.

Садовской 1992 – Садовской Б.А. *Заметки. Дневник (1931–1934)* // Знамя. 1992. № 7. С. 172–194.

Садовской 1993а – Садовской Б.А. *Кровавая звезда* // De Vizu. 1993. № 4 (5). С. 12–29.

Садовской 1993б – Садовской Б.А. *Пшеница и плевелы* // Новый мир. 1993. № 11. С. 92–150.

Садовской 1994 – Садовской Б.А. *Записки (1881–1916)* // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Выпуск 1. М., 1991.

Садовской 2001 – Садовской Б.А. *Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи*. СПб., 2001.

Садовской 2014 – Садовской Б.А. *Конец акмеизма* // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб., 2014. С. 390–394.

Садовской РГА.ЛИА – Садовской Б.А. *Дневниковые записи* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 27.

Садовской РГА.ЛИБ – Садовской Б.А. *Философия брака* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 38.

Чехов 1974 – Чехов А.П. *Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.* Т. 1. М., 1974.

Чехов 1977 – Чехов А.П. *Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т.* Т. 9. М., 1977.

Литература

Берштейн 2004 – Берштейн Е. *Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве* // Эротизм без берегов. М., 2004. С. 64–89.

Дмитриева 2012 – Дмитриева Н.А. *Послание Чехова*. М., 2007.

Изумрудов 2012а – Изумрудов Ю.А. *Апокалипсис Б. Садовского* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4–1. С. 393–397.

Изумрудов 2012б – Изумрудов Ю.А. *Большевизм и интеллигенция в интерпретации Бориса Садовского* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6–1. С. 335–340.

Изумрудов 2019 – Изумрудов Ю.А. *«В память наших десятилетних, не омраченных ничем дружеских отношений...»: неизданные письма Бориса Садовского к Александру Блоку и их историко-литературный контекст* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 44–58.

Изумрудов 2021 – Изумрудов Ю.А. *Сергей Дурьлин и Борис Садовской: неизданная переписка* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 3. С. 42–57.

Изумрудов 2022 – Изумрудов Ю.А. *Неизвестная статья Б.А. Садовского «Философия брака»: пушкинский контекст* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 44–52.

Морар 2017 – Морар А. *Одомашнить Иного* // Новое литературное обозрение. 2017. № 1. [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/1/odomashnit-inogo.html> (дата обращения 27.03.2023).

FROM THE ARCHIVE OF BORIS SADOVSKY: ARTICLE "PHILOSOPHY OF MARRIAGE"

© **Izumrudov Yuri Aleksandrovich** (2023), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, PhD in Philology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), izumrud.nnov@mail.ru

The first publication of Sadovsky's article "The Philosophy of Marriage" (1923) is given, with comments. Its creative history is outlined. It is noted that the article was written during a very difficult post-revolutionary period of the author's life, when he faced the problem of creating a family and finding a home. One of the stimuli for writing the article was Sadovsky's relationship with V.P. Uvarova, his old acquaintance, whose letters to him, unknown to researchers, have been taken into account. The ideas expressed in The Philosophy of Marriage – about the peculiarities of the character and psychology of women, about their intellectual limitations in comparison with men – were not original. Many works were published on this topic during the Silver Age. However, let us emphasise that Sadovsky was in no way dependent on them in the conception of the article. Much in his worldview came from his upbringing, the atmosphere of his parents' home, his social circle (especially in his adolescent years), and the general conservative leaven of his character. In terms of genre and subject matter, "The Philosophy of Marriage" stands apart in the vast array of Sadovsky's articles (which are mostly problem criticism, reviews, reviews, literary portraits, notes). Only the essay "Holy Reaction" (1921) is comparable to it. In order to specify the

meaning of Sadovsky's article, a little-known essay by V.P. Dalmatov, "Julia Pastrana", whose hero, the fictional adopted son of Pastrana, gives an assessment of women's creative abilities that is close to what Dalmatov himself formulated and echoes the provisions of "The Philosophy of Marriage", is brought in.

Keywords: B.A. Sadovsky, "Philosophy of Marriage", A.S. Pushkin, Tatiana Larina, V.P. Dalmatov.

References

(Articles from Scientific Journals)

Изумрудов 2012а – Izumrudov Yu.A. *Apokalipsis B. Sadovskogo* [B. Sadovsky's Apocalypse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, no. 4–1, pp. 393–397. (In Russian).

Изумрудов 2012б – Izumrudov Yu.A. *Bol'shevizm i intelligentsiya v interpretatsii Borisa Sadovskogo* [Bolshevism and the intelligentsia as interpreted by Boris Sadovsky]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2012, no. 6–1, pp. 335–340. (In Russian).

Изумрудов 2019 – Izumrudov Yu.A. «*V pamyat' nashikh desyatiletikh, ne otrachennykh nichem druzhelyubnykh otnosheniy...*»: *neizdannyye pis'ma Borisa Sadovskogo k Aleksandru Bloku i ikh istoriko-literaturnyy kontekst* ["In memory of our ten years of friendly relations, unmarred by anything...": Boris Sadovsky's unpublished letters to Alexander Blok and their historical and literary context]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2019, vol. 78, no. 5, pp. 44–58. (In Russian).

Изумрудов 2021 – Izumrudov Yu.A. *Sergey Durylin i Boris Sadovskoy: neizdannaya perepiska* [Sergei Durylin and Boris Sadovsky: Unpublished Correspondence]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2021, vol. 80, no. 3, pp. 42–57. (In Russian).

Изумрудов 2022 – Izumrudov Yu.A. *Neizvestnaya stat'ya B.A. Sadovskogo «Filosofiya braka»: pushkinskiy kontekst* [Unknown article by B.A. Sadovsky "Philosophy of Marriage": Pushkin's context]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2022, vol. 81, no. 6, pp. 44–52. (In Russian).

Морар 2017 – Morar A. *Odomashnit' Inogo* [Domestication of the Other]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2017, no. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/1/odomashnit-inogo.html> (accessed 27.03.2023). (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Берштейн 2004 – Bershteyn E. *Tragediya pola: dve zametki o russkom veyningermanstve* [The Tragedy of Gender: Two Notes on Russian Weiningerianism]. *Erotizm bez beregov* [Eroticism without limits]. Moscow, 2004, pp. 64–89. (In Russian).

(Monographs)

Дмитриева 2012 – Dmitriyeva N.A. *Poslaniye Chekhova* [Chekhov's message]. Moscow, 2012. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.11.2023